

БАТЛ-БОКСЫ

ШЕПЧУЩАЯ СМЕРТЬ

Филипп А. Ли

(Philipp A. Lee "Whispering Death")

*Плато Рассе
Барселла
Домашние миры кланов
7 октября 2905 г.*

— Вы знаете, что я не должен был этого делать, звездный капитан, — сказал Кайл Девалис, сидя в позе лотоса перед пылающим под ночным небом костром, высотой по грудь, расположенным между ним и его гостью. — Я здесь только потому, что долгое время мы были друзьями.

Утомленными глазами Мэдлин изучала сквозь разделяющие их языки пламени хранителя клятвы своего кластера. Радужные оболочки глаз Кайла, казалось, впитывали огонь, чтобы полученное тепло передать обратно ей. Но она не хотела его жалости. Она не хотела ничьей жалости, даже своей.

Тепло от костра просачивалось под её кожу, покрывая сверкающими капельками пота обнаженные руки, ноги и талию. Сухое тепло напомнило ей перегретую кабину меха, и эти воспоминания сводили её с ума. И только дисциплина ума спасла её от впадения в хандру.

Еще один день добровольной аскезы и её сила воли могла и не выдержать. Ещё один день, и, возможно, всё было бы по-другому, но сегодня будет её последний шанс перед... она не могла согласиться с этой мыслью. Она знала, что это, несомненно, выбьет её из эмоционального равновесия.

— Я всё ещё воин, воут? — спросила она.

Хранитель клятвы покачал головой:

— Это не то, что я имел в виду. С твоими правами всё в порядке...

— Достаточно. Я спросила об этом из вежливости. Приступай или я сделаю это без тебя.

— Как пожелаешь.

Кайл Девалис поднял капюшон своей робы, пряча лицо в постоянно меняющихся тенях, и приступил к ритуалу. Мэдлин отвлеклась от него на несколько секунд, уставившись на огонь, пока свет и тепло не высушило так её глаза, что она почувствовала, что они могут лопнуть, словно перезрелый вино-

град. Это было то, что надо. Если хоть что-нибудь укажет ей правильный путь...

— Ты можешь продолжить, звёздный капитан — услышала она провозглашенные нараспев слова хранителя клятвы.

На ткани возле её колен были разложены виниры, трофеи и отличительные знаки, собранные ею на протяжении карьеры в 179-м ударном кластере. Сломанный кусок нагрудной плиты бронекостюма элементала Дымчатого Ягуара. Обгоревший, частично расплавленный опознавательный знак различия звёздного капитана, которого она победила в испытании положения на теперешнее её звание. Длинный боевой нож, изорла одного звёздного коммандера, которого она одолела в испытании обиды. Нашивка клана Звёздного Ужа, срезанная с униформы побеждённого звёздного полковника. Кроме воспоминаний, навеянных этими предметами, для Мэдлин они были бесполезны. И после сегодняшнего вечера каждый из них вонзит нож прямо в её сердце. Она должна избавиться от них, пока есть возможность.

Свист! В огонь была брошена металлическая пластина, моментально покрываясь сажей. Шипение! Жар расплавил красное изображение сверхновой на знаке отличия звёздного капитана, огонь моментально стал зеленым, когда сгорел малиново-голубой лак. Пламя покрыло рубцами опоясанную синтетической кожей рукоять ножа, и нашивка клана Звездного Ужа скрутилась вокруг себя, словно перевернутое насекомое, пытавшееся защитить свое драгоценное брюхо. Все эти горящие предметы выделяли ядовитую химическую вонь, вредные испарения расплавленного пластика, горячего металла и сгорающей синтетической кожи. И вместо того, чтобы отойти от дыма, Мэдлин придвигнулась к огню как можно ближе насколько осмелилась, и глубоко вдохнула, сконцентрировав все свои мысли на пламени, желая, чтобы пылающие призраки её прошлого осветили путь в будущее.

Голодание, лишение сна и токсичный дым моментально опьянили её. Головокружение ударило посильнее огнефира в пустом желудке. Костёр отбрасывал сюрреалистический образ, который оставался почти неизменным, когда он двигался, изгибался и колебался перед нею, вынуждая закрывать глаза перед наступающими приступами тошноты. Головокружение прошло так же быстро, как и началось, она осталась совершенно одна, с темнотой за её веками.

Вздрогнув, она открыла глаза и уловила пристальный взгляд хранителя клятвы по ту сторону костра.

— Что ты видела, звёздный капитан? — спросил он спокойно.

«Ничего», — подумала она про себя. После всех усилий и страданий она ничего не увидела.

С недоверием она взглянула на свои трясущиеся руки, а затем обратно на закрытое капюшоном лицо Кайла. Её будущее было ясным. Теперь она и в самом деле захотела упасть и засыпать. Но только не перед близким другом, только не перед кем-то.

Ещё один день. Ещё один день лишений и всё будет по-другому. Один единственный страважий день.

*Зал заседаний совета клана Нова Котов
Барселла
Домашние миры кланов
8 октября 2905 г.*

Тишина окутала небольшой по размерам зал заседаний, когда галактический командующий Тристан Моррис поднялся к трибуне и открыл заседание. Его глаза, обычно светло-синие, цвета раннего утра, прятались в тени, несмотря на довольно яркий верхний свет. Темно-фиолетовые мешки под ними выдавали недостаток здорового сна. Если Мэдлин не ошибалась, с момента, когда она его видела вчера, в его светло-коричневых волосах добавилось приличное количество серых нитей.

Пять воинов нова котов с родовыми именами сидели в темно-серой униформе за подиумом. Остальные два десятка зрителей — большинство было из остатков её тринардии — размещались на креслах позади места, где она стояла, между её единственными из оставшихся в 179-м союзниками: звёздным полковником Люсьеном Ностра и хранителем клятвы подразделения Кайлом Девалисом.

— Я открываю это заседание военного трибунала, — сказал Тристан. — Пусть обвиняемая выйдет вперед.

Держа голову гордо и прямо, Мэдлин сделала пять шагов по направлению к галактическому командующему, её ботинки глухо стучали по полированному мраморному полу. Всё вну-

три её желало накинуться на своего обвинителя и обругать его проклятиями, но сейчас было не подходящее время.

— Звездный капитан Мэдлин из дома Моррис, — объявил Тристан, — вы обвиняйтесь в сговоре по уничтожению моего генетического наследия.

Внутри неё закипал гнев. Горячие слёзы ярости угрожали запеленать её взгляд, но она сумела с ними справиться, прежде чем они выдали её.

— Трибунал просмотрел все голозаписи и показания свидетелей относительно рассматриваемого испытания владения и принял решение относительно вашей судьбы. — Тристан взглянул на неё смертельный взглядом, его собственная ярость проливалась прямыми, нескрываемыми волнами. — По обвинению в сговоре с Дымчатыми Ягуарами, мы признали вас, как защищающуюся сторону, виновной.

Нож предательства ударили её прямо в сердце.

— По обвинению в умышленных действиях, повлекших за собой смерть четырёх ваших братьев воинов, мы признали вас виновной.

Лезвие повернулось.

— По обвинению в нарушении долга, мы признали вас виновной.

Зазубренное лезвие потянулось обратно, вырывая её ещё бьющееся сердце.

— С единогласным результатом голосования шесть к нулю по каждому пункту обвинения, этот трибунал приговаривает вас к обряду отречения. — Тристан особо подчеркнул последнее слово, из-за чего его голос громовым эхом прокатился по залу. — Вы будете лишены всех ваших званий и прав и окажетесь вне общества клана. С этого момента у вас есть пять дней, чтобы покинуть территорию клана, прежде чем вас арестуют и казнят.

Ничего из обвинения — ни одно слово — не было правдой, но это больше не имело значения. Если Тристан смог убедить трибунал в её виновности в совершении этих сфабрикованных преступлений, то её собственные показания значили меньше чем ничего. Косвенные доказательства сыграли против неё, — многое было справедливым — и этого оказалось достаточно, чтобы повесить её.

Но самая большая ошибка была в том, что она добровольно вызвалась защищать генетическое наследство её генетических

родителей от Дымчатых Ягуаров. Её собственная сибгруппа была создана из генов Тристана и покойного сохана Закарии Драммонд. Хотя Мэдлин до сих пор не завоевала себе родовое имя Моррис, она вызвалась защищать наследство Тристана, чувствуя себя, словно защищала своё родовое имя.

В защиту галактического командующего был заявлен тринарий, одну звезду которого вела Мэдлин, вторую Люсьен, а Тристан последнюю. Второй гвардейский ягуаров разбил подразделения Тристана и Люсьена, а относительно нетронутая звезда Мэдлин, которая могла переломить ситуацию, так и не смогла вмешаться. Мэдлин и четверо наиболее доверенных мехвоинов её тринария продвигались по усыпанном булыжниками склону у края каньона, когда последние не вступившие в бой ягуары поприветствовали их, вызвав хорошо скоординированным ракетным огнем разрушительный оползень. Цунами падающих булыжников и щебня смело целую звезду за край каньона. По чистой удаче она задействовала прыжковые двигатели «Новы» в последний момент, чтобы увидеть воочию свободное падение остальных воинов её звезды вследствие этой бесчестной тактики. Она повернула всё имеющееся вооружение против наступающих ягуаров и выпустила свой гнев возмездия, поразив два вражеских меха, перед тем как её реактор отключился от перегрева, повторно запустить у неё не было возможности.

Аварийное отключение затронуло не только её мех. С тех пор как Мэдлин вытащили из подбитой «Новы», весь её мир потерял равновесие, природное спокойствие. И стало ещё хуже, когда празднующие победу ягуары встретились лицом к лицу с побеждёнными нова котами после окончания испытания и Тристан передавал трофеи в символическом жесте капитуляции.

Никто, даже Мэдлин, не мог предсказать, что звёздный полковник Дымчатых Ягуаров Бальтазар Фюрей бросит протянутый образец ДНК Тристана на землю и, в лютой злобе к нова котам, раздавит ногой стеклянную колбу. Принимая во внимание, что большинство образцов ДНК хранится в генетическом хранилище кланов на Стране Мечты, и что Тристан всегда может заявить испытание отказа, чтобы завоевать обратно право касты ученых использовать его гены в будущих сибгруппах Нова Котов, само по себе прилюдное уничтожение ягуарским

командиром образца ДНК было более сильным демаршем, чем если бы ягуары убрали у себя подальше генетическое наследие и никогда не использовали бы его в своих евгенических программах.

Действия всегда имеют большее значение, чем безмолвие. Мэдлин сжав пальцы в кулак, уставилась на свои запястья.

— Я требую испытания отказа! — заявила она, смотря на своего обвинителя, её голос эхом отозвался по залу. — Это моё право как воина.

Галактический командующий нахмурился, судя по всему разочарованный её решением.

— Ут, это действительно так, звёздный капитан. Но примите во внимание это. — Тристан наклонился вперед на трибуне, убеждаясь, что он заполучил её полное внимание. — Трибунал проголосовал против вас шесть к нулю по трем разным обвинениям. Чтобы вам избежать отречения из касты воинов, вы должны одержать победу по очереди в трёх испытаниях, с неравенством шесть к одному по каждому принятому решению. Я, как защищающаяся сторона в этом деле, имею право сохранить максимальную заявку, и я не собираюсь отказываться от этого единственного пункта. Если вы считаете разумным выступить против восемнадцати мехов подряд, чтобы доказать свою невиновность, вы получите моё благословение.

С логикой не поспоришь. Если даже все пилоты, с которыми она столкнётся, окажутся жалкими воинами соламы, сражающимися на боевых мехах второй линии, Мэдлин знала, что её мастерства не хватит для победы. Будет ли хуже погибнуть в самоубийственном сражении или оставаться признанной виновной в сфабрикованных преступлениях исключительно из-за возможного поражения на испытании? Или будет лучше вступить в ряды непризнанной касты бандитов и быть изгнанной из сообщества кланов и жить под постоянной угрозой быть обнаруженной и выслеженной своими бывшими товарищами?

Она снова подумала о предыдущей ночи, о чувстве неопределенности, отсутствия даже намека, какой путь выбрать. Один ведёт к суровому и неясному будущему, второй к забвению без единого шанса на честь. Никто не будет помнить воина, погибшего в испытании отказа; такие смерти только убеждают в виновности обвиняемого и вычеркивают недостойного из истории клана.

Зал, казалось, начал темнеть вокруг неё. Детали каменных стен и лица её товарищей размывались нечеткостью абсолютного недоверия. Все сжималось вокруг неё. Она чувствовала впадину внутри, словно её грудь была алюминиевой банкой, которую раздавливает массивный кулак элементала.

С дерзким и злым выражением лица, Мэдлин сорвала с плеча отличительный знак Нова Кота. Её личное оружие с громким лязгом упало на пол следом. Красные знаки различия суперновы, перед тем как остановиться возле основания трибуны, запрыгали по мраморному полу с отчетливо слышимым тинк-тинк-тинг. Она открыла защёлку на серебристом браслете, взяла в руки свой кодекс и замерла. Встроенный чип нёс информацию о всей её жизни — результаты экзаменов в сибгруппе, победы и поражения, генетическое происхождение, в общем, все мельчайшие подробности, которые вышестоящий офицер вдруг пожелал бы знать о ней. И теперь результаты всего её существования лежали на ладони её собственной руки.

Кодекс ударился об пол. К ужасу всех присутствующих — даже Кайла и Люсьена — Мэдлин раздавила кодекс пяткой своего ботинка и, разъярённая, вышла из зала, не дождавшись даже формального увольнения.

*Муниципальный центр Нова Котов
Барселла
Домашние миры кланов
8 октября 2905 г.*

Звёздный полковник Люсьен Ностра слегка постучал по дверному косяку кабинета галактического командующего Тристана Морриса.

— Можно на минутку, сэр?

Тристан оторвал взгляд от бумаг на столе и жестом пригласил Люсьена войти.

— Только кратко, звёздный полковник. У нас дел по горло перед возвращением на Хоард. Я ожидаю, что Ледовые Хелионы начнут доставлять неприятности сразу же после нашего прибытия.

Люсьен, оперевшись о косяк двери со скрещенными на груди руками, продолжал оставаться в дверном проеме, позволяя

хмурому взгляду и боли занять место обычно беспристрастному выражению лица.

— Это позорно, что мы возвращаемся на наше место службы в намного худшем состоянии, чем до того, как отбыли на защиту вашего генетического наследия. — Образ Мэдлин, безжалостно крушащей свой кодекс в знак осуждения результатов голосования по поводу отказа, пылал в его мыслях и сводил желудок. Он верил, что энергичная молодая женщина заслуживала лучшего, и не из-за некоторого смущающего чувства верности или их частых любовных утех. Мэдлин была надёжным воином с неукротимым духом. Она олицетворяла саму сущность нова кота, и Люсьен гордился, что имел её в своем подчинении.

Нет, гордился до этого времени. Мэдлин уже не была клановцем, не была подчиненной. Уже не была любовницей. И согласно официальным записям клана уже не существовала. Хватит ли ей пяти дней, чтобы убежать от длинной руки правосудия клана?

— Ты имеешь в виду отрешенную? — спросил Тристан, глядя на него слегка покрасневшими от стресса и гнева глазами. Он не будет произносить её имя, она уже полностью была стёрта.

Люсьен не считал, что должен заниматься самоцензурой.

— Ут. Мэдлин была образцовым воином. Её отречение несправедливо, и я уверен, что наш клан стал слабее от этого.

Тристан медленно моргнул. Нарочито. Бесстрастно.

— Вы желаете встретиться со мной в кругу равных? Воот?

— От, сэр.

— Тогда я бы выбрал аккуратнее слова, звёздный полковник. Отрешенная больше не существует. Трибунал отказа признал её виновной, и более того, молчаливая боязнь испытания отказа ещё больше позорит её. А вы теперь займитесь проведением боевых испытаний на её замену, или я начну искать замену вам.

— Ут, галактический командующий, — сказал Люсьен, сглатывая подступивший комок в горле.

Лишь после того как он ушел подальше от ушей Тристана, он позволил себе вспышку бессильного гнева. Должен же быть какой-то способ, чтобы исправить эту ситуацию. Должен быть.

*Пустоши Дрездена
Барселла
Домашние миры кланов
19 октября 2905 г.*

Под удушающей сухостью и жарой пустыни Мэдлин в очередной раз проклинала себя, что не пошла на испытание отказа. Учитывая его непреодолимость, несправедливый перевес, предательская смерть была бы быстрее и более чистой, чем эта агония.

«Ты ещё жива, — в очередной раз напоминала она сама себе. — Мертвец не может доказать свою невиновность».

Но надолго ли? Из-за недостатка воды её язык настолько пересох и распух, что занимал теперь весь рот. А жара только усиливала головокружение.

Затуманенные, отчаявшиеся глаза обозревали бесплодный пейзаж впереди. Мэдлин протёрла глаза от песка и ещё раз сверилась с картой. Далеко не произведение картографического искусства, грубые чертежи до сих пор хорошо ей послужили. Как только огласили вердикт отречения, она ретировалась в свой барак и начала собирать те несколько вещей, которые поместились в карманах её рабочей униформы: фляга для воды, очищающие таблетки, маленькая медицинская аптечка, несколько сухих пайков и протеиновых пластинок, индукционный походной фонарик, компас, наспех намалёванная карта, которую она срисовала с атласа Барселлы (который она сочла слишком большим, чтобы брать его с собой).

Карта, вне всяких сомнений, доказала свою наибольшую ценность. Кроме обозначения всех главных дорог и стандартных маршрутов патрулей мехов, на ней были нанесены все, как большие, так и маленькие водные каналы. Фляга опустела ещё на второе утро за пределами города. Пройдя несколько километров на северо-восток, она нашла источник чистой воды для пополнения своих запасов. Спустя полтора дня карта привела её к наполовину высохшей речушке, в которой песка было больше чем воды, но её это больше не беспокоило. Вода с песком всё же была предпочтительнее, чем обезвоживание.

Сухих пайков хватило на три дня, на один день дольше, чем она ожидала. Протеиновых пластинок же, даже с учётом жесткой экономии, потребляя по одному или двумя кусочками, сугубо для повышения уровня сахара в крови при начале слабости, хватило лишь на четыре дня. Через два дня исчерпались последние капли мутной воды из её фляги. Карта указывала на маленькую высыхающую реку на севере, примерно в двух с половиной днях пути, но эта река лежала как раз на пути маршрута патрулирования 449-го штурмового кластера. И это был единственный источник воды в пределах разумного расстояния. Если только безоблачное небо вдруг не наполнится дождем, это был её единственный шанс на выживание.

«Куда ты идешь?» — задала вопрос её рассудительная половина, когда Мэдлин сложила карту обратно в карман. Не считая случайно залетевшей барселлской хищной птицы, зловеще визжащей в небе, внутренний голос был её единственным собеседником.

«Я не знаю», — честно ответила она.

«Ты знаешь, что умрешь там».

«Я не могу вернуться назад, — отпариowała Мэдлин. — Единственный путь только вперед».

Это казалось, утихомирило внутренний голос. Всякий раз, когда она останавливалась чтобы перевести дыхание, её рациональная половина отправляла её мозг достаточным количеством яда, чтобы вызвать слёзы на глазах. Она больше не часть клана. Она уже никогда не будет пилотом меха. Она никогда не завоюет родовое имя. Её генетическое наследие никогда не вольется в будущие поколения воинов, и она будет забыта историей, да и самой вселенной.

Все её будущее заменено ложью.

Щёки Мэдлин оставались сухими только из-за того, что обезвоживание лишило её возможности плакать. И если она найдет в пустыне источник воды, она поклялась, что изыщет способ разоблачить эту ложь, заставит её генетического отца заплатить за всё, что он сделал. И она не проронит ни одной слезы по нему.

Жар угрожал свернуть её глаза в изюм. Протирание только усиливало боль от сухости. Как только она опустила руку, её внимание привлекло слабое бледно-голубое мерцание вдалеке. Вода! Перед тем как позволить себе порадоваться, она вы-

тащила из кармана карту и компас и определила своё положение относительно солнца. Признаки её спасения находились прямо на том месте, где должен быть ручей.

Она бежала. Несмотря на то, что её наполненные песком лёгкие пылали огнём, она вложила все капли силы в свой забег, не беспокоясь о неизбежном истощении по прибытию. Она бежала, пока могла бежать, пока прерывистое дыхание не наполнилось болью, пока острая боль в боку внезапно не остановила её. Она согнулась в пояс и свесила до колен руки, чтобы делать медленные, глубокие вдохи и чтобы избавиться от помутнения в глазах

Открыв глаза, она увидела едва различимую борозду русла реки, вдоль песка прямо напротив её. Она была полностью выслушена. В обоих направлениях, настолько далеко она могла видеть, единственным свидетельством, что однажды, в более холодное погоду, здесь протекала вода, были отчетливо видна канавка и несколько пучков стойкой травы. Привлекшее её внимание мерцание было всего-навсего миражом, целью которого было заманить её на окончательную погибель.

Она рухнула на землю, чувствуя, как последние остатки прохладной влаги смачивают колени её униформы. Руки отчаянно взрывали песок, но так ничего и не нашли, независимо как глубоко она копала. Безжалостное солнце и жадные травяные стебли уже украли всю влагу для себя.

Уже не было смысла сверяться с картой, но она всё же сделала это. Следующий жизненно важный источник воды лежал почти в двух днях пути на восток — сносное расстояние, но только с полной флягой, а в любом другом случае — самоубийство. Её язык разбух настолько, что она едва могла чувствовать его. Её глаза чувствовались как готовые лопнуть в любой момент. Дышать стало почти невозможно.

Неспособная встать, Мэдлин перевернулась на спину и уставилась на солнце и стаю скользящих по потокам воздуха в выси крылатых хищников с оранжевым оперением, вопящих в предвкушении наживы. Они не будут ждать, когда она умрет, прежде чем начнут по кусочку её клевать, но она не допустит, чтобы её ели заживо.

Она достала из кармана примитивный нож из обломка кремня, который она смастерила ещё в первую ночь, проведенную за чертой города. Недостаточно большой, и недостаточно

острый, чтобы отмахнуться от крыланов размером с пантеру, которые неизбежно слетятся к ней, но достаточно полезный, чтобы вскрыть вены на запястье. Таким образом, ей остаётся либо вскрыть себе вены, либо молиться, что один из патрулей 449-го обнаружит и положит конец её мучениям.

Но теперь у неё не осталось достаточно сил, чтобы пустить себе кровь. Её рука разжалась, нож выпал на песок. Одна из птиц издала пронзительный визг и шмыгнула в её сторону. Остальная стая последовала вплотную за ним, их клацающие клювы жаждали плоти.

Как только мрак окутал её взор, вдалеке прозвучал один единственный напугавший её выстрел. Что-то рядом с ней громко упало, и она моментально потеряла сознание.

*Место неизвестно
Время неизвестно*

Свинцовые веки с трудом открылись, взору предстал неясный образ маленького мальчика с разинутым ртом, возрастом не более десяти лет. Мэдлин резко попыталась встать, но ей удалось пошевелить только шею. Детей она почти не встречала. Им не позволялось находиться в военных районах и учреждениях, которые Мэдлин часто посещала за пределами бараков Нова Котов, военные посёлки и здания правительства, в основном посещали взрослые или подростки перед вступлением в взрослую жизнь. Большинство детей, такого же возраста что и мальчик, были в сибгруппах или в учебных детских садах, но в обоих случаях вне видимости посторонних глаз.

Малыш снова раскрыл рот.

— Деда! — крикнул он, — она очнулась!

«Деда». — Мэдлин знала, что она стала тупоумной и заторможенной от проходящей сквозь её череп боли, но она всё равно не смогла распознать это слово. Как бы то ни было, этот незнакомый жаргон означал лишь одно.

Вольняги.

Она поняла, что может повернуть голову достаточно для того, чтобы видеть мальчика, петляющего между шестью или семью взрослыми, сидящими в одеждах, похожих на гражданскую, но которая давным-давно требовала стирки. Один из

мужчин подошел к соломенному тюфяку, на котором он лежала, разложил табурет и сел на него, положив руки на колени, таким образом он мог наклоняться ближе, чтобы лучше рассмотреть её. Мэдлин непроизвольно испытала отвращение. Человек был необъяснимо стар, намного старее самого старого, некому не нужного воина соламы, которого когда-либо она видела. Его лицо украшала короткая белая борода, а на голове были того же цвета коротко стриженые седые волосы.

— Я смотрю, клановец еще жив — сказал он, при этом его глуповатая ухмылка превратило лицо в скопление складок и морщин.

— Я... — прохрипела она полопавшимися губами, — я больше не в клане...

— Не важно. Ты голодна?

Мэдлин кивнула. Сколько же времени прошло с тех пор, когда она в последний раз нормально поела?

— Я надеюсь, тебе нравятся птицы — сказал он. — Это деликатес, и благодаря тебе, мы добыли их на несколько месяцев вперед. Сядь, я дам тебе кусочек.

Морщась от боли в обезвоженных мускулах, Мэдлин с помощью рук приняла сидячее положение. Мужчина — её пленитель? — отошел и вернулся, подав ей мятую металлическую тарелку и вилку. Мальчик следил за ним со стаканом чистой, холодной воды.

Она отрезала маленький ломтик необычного, темного мяса и нерешительно надкусила его. После бесчисленных дней голодна, на вкус оно было полным блаженством. А вода никогда не была такой холодной и вкусной!

— Полегче, — сказал он. — Нет необходимости торопиться. Их намного больше там, откуда они прилетели. Мы настреляли полдюжины этих ублюдков, когда они пытались отобедать тобой.

— Кто вы? — спросила она, отставляя тарелку и допивая воду. — Где я?

— Меня зовут Албан, — сказал он. — Некоторые говорят, что я командую этой шайкой. Другие просто соглашаются и делают то, что я им прикажу. Что касается, где мы — тяжело сказать, не указав это место на карте. В основном мы не связанны названиями. Дать чему-то название означает сделать привязку, а мы не хотим быть привязаны к местам. Окрестности и имущество могут быть заменены, а люди нет.

Мэдлин заморгала глазами, не совсем уверенная, что думать о её недоверчивых спасителях.

— Тогда какой сегодня день?

— Ну, если ты следуешь григорианскому календарю, — прокряхтел он, — сейчас двадцать второе октября. Мы присматриваем за тобой с шестнадцатого или около того, только лишь чтобы удостовериться, что ты не пытаешься обнаружить одну из наших конспиративных квартир. Я видел, что у тебя не было ни одного знака отличия клана, когда мы стояли рядом, стреляя в хищных птиц. Таким образом, я понял, что ты очередная, подвергнувшаяся ритуалу отречения.

Кивая, Мэдлин пыталась прогнать горечь со своего лица. Она рассказала историю её отречения, а он просто сидел на месте, внимая её горестям.

— Желаешь ли ты знать, почему я был отречён? — спросил он, когда она закончила. — Мой звёздный полковник и я одновременно хотели совокупляться с одной и той же женщиной. Но даже во времена сибко она предпочитала меня, и отвергала его предложения. В один день он решил взять её силой. Этот ублюдок оставил её с шестью сломанными ребрами, расплющенным носом, выколотым глазом и раздробленным черепом, что привело к необратимому повреждению мозга, и, как следствие, концу её карьеры мехвоина. В следующий раз я встретил этого человека на базе, сказал ему, что он совершил преступление и в наказание застрелил его на глазах у многих свидетелей.

Мэдлин так и не смогла решить, что её больше удивило; что Албан на самом деле вернорожденный воин или что этот добрый старичок когда-либо был способен на открытое убийство. Раздумывая над его рассказом, ей вспомнился самодовольный взгляд Тристана после вынесения ей приговора.

— Ты сожалеешь, что убил его без соответствующего испытания?

— Нисколько. Я ещё тысячу раз убил бы его, если бы это вернуло моей сибе возможность снова сражаться вместе со мной.

Она уставилась на пустую тарелку, размышляя, что она, возможно, поступила бы иначе, как она сможет жить в этом примитивном окружении Албана и остальной шайки бандитов.

Бандиты. Члены не признанной темной касты. Все они или были изгнаны, как она, из клана, или родились изначально от-

верженными, как этот маленький мальчик. Реальность её изгнания так её потрясла, что дыхание захватило.

— С тобой все в порядке? — спросил Албан. В конце мозг Мэдлин рефлекторно прикрепил непроизнесенное «воут» в конце его слов.

— Я больше не воин, — сказала она, не позволяя себе заплакать от этого. — Я больше не клан. Быть воином, быть кланом — это все что я знаю. Что мне теперь делать?

— Всё что ты захочешь, — ободряюще сказал, пожав плечами Албан. — Клан породил тебя как воина, так что ты должна быть воином, но только пока ты являешься частью клана. Здесь же, за пределами стен евгеники, фенотипов и идеологической обработки, ты свободна идти тем путем, который ты сама найдешь.

Осознание, что она действительно больше не клановец, скоро сменило понимание, что она также больше не связана законами клана, больше не привязана к идеалам славы и чести, игре по правилам. А почему бы и нет? Тристан также не был верен принципам клана.

Из всех путей её будущего, только одно направление привлекало её, и она сразу же разделила его со своим новоприобретённым троткином.

Албан кивнул медленно, без неодобрения или осуждения, которого она ожидала бы от благородного клановца.

— Для этого тебе надо увидеть Святого Антония, — сказал он, задумчиво почёсывая подбородок. — Это конечно не его настоящее имя, но мы так его называем из-за его умения доставать утраченные предметы.

*Посадочный порт станции «Пульсар»
Барселла
Домашние миры кланов
31 октября 2905 г.*

Не успел день благополучно начаться, а Люсьен уже был в скверном настроении. Ему снова снилась Мэдлин, отчего он проснулся подавленным и мрачным, такого с ним ещё никогда

не происходило. На протяжении долгих лет на службе в тумне Нова Котов он был свидетелем бесчисленных смертей воинов в битве. Однажды ему даже не посчастливилось увидеть смерть своих подчиненных, застреленных вне своего меха; Дымчатые Ягуары не испытывают угрызений совести, захватывая ничего не подозревавших воинов на поле боя, особенно если эти воины — нова коты. Люсьен видел множество актов смерти и уничтожения — сибы, старые друзья со временем своего первого назначения в боевое подразделение, партнеры по сексу — до сих пор он никогда не вспоминал их после гибели. Они уже отдали долг своему клану. За свои подвиги они уже заслужили себе славу, награды и возможно даже упоминания в Предании, и погибли во имя их. Но Мэдлин нет.

В своем сне он видел её прорывающуюся по диким местам, осажденную со всех сторон дикими тварями, членами бандитской касты, Дымчатыми Ягуарами, Ледовыми Хеллионами, и вообще всеми врагами, с которыми Нова Кот может столкнуться за пределами анклавов клана на Барселле. Он видел её, раздавленную, под ногой меха, пронзённой клювом огромной, пламеннопёкой хищной птицы, застреленную бандитами, превращённой в кровавый дымок снарядом автопушки Дымчатых Ягуаров. Каждый раз при созерцании её смерти, она отступала назад, цепляясь за землю у своих ног, или воссоздавалась в свой физический облик, чтобы продолжить свой путь дальше, как будто ничего не случилось.

Люсьен разместил небольшой инвентарь для видений, которые, как некоторые из ближайших его воинов утверждали, что увидели лишь после принесения в жертву огню или сновидению своих виниров. Это, как ему казалось, уже вторгалось в область пророчества. Но как бы там ни было, он знал, что Мэдлин жива, и что она идет по некоему пути для достижения непоколебимой цели.

«Она отказалась принять смерть воина», — говорил он сам себе. Это было единственным оправданием, которое он мог придумать, чтобы дать разумное объяснение темным тучам, омрачавшим день.

С течением дня всё становилось лишь хуже. Каждый возникающий вопрос логистики, препятствовавший возвращению 179-го на Хоард, необъяснимо порождал все новые затруднения, которые ни Люсьен, ни техники его кластера не могли

предвидеть. Он был уверен, что в любой момент придет коммюнике через гиперимпульсный генератор, что временный гарнизон, оставленный на Хоарде, утратил жизненно важное имущество, во время отсутствия Люсьена.

Он отдал честь, когда Тристан заглянул в погрузочный док станции «Пульсар», в котором множество погрузочных мехов и грузовых тележек мотались туда и обратно, перемещая ящики со снаряжением в межпланетник, готовя его к старту.

Если был любой признак беспокойства на лице галактического командующего, это означало, что его дремоту также извели плохие сны.

— Почему мы всё ещё на земле, звёздный полковник? Мы должны были стартовать несколько часов назад!

— Я знаю, сэр. — Люсьен привлек внимание одного из подчиненных и подозвал его к себе. — Пауло, каково наше положение?

До недавнего времени молодой и нетерпеливый Пауло служил звёздным коммандером в тринарии Мэдлин. В течение недели после оглашения приговора отречения, Пауло победил звёздного коммандера Сола в испытании положения на освободившееся место после изгнания Мэдлин.

— Почти хорошо, как могло быть, учитывая все обстоятельства, — сказал Пауло с недовольным выражением лица. Он нажал несколько клавиш на ноутбуке. — Старший рабочий говорит, что несколько комплектов запасных частей по ошибке были отправлены на склады 449-го. Также мехвоин Юми ещё не отметилась, сэр.

Люсьен уставился на него испепеляющим взглядом. Почему Пауло не проинформировал его, что было отмечено отсутствие Юми?

— Что значит «не отметилась»?

Пауло ответил нервно, как подметил Люсьен, слишком нервно для коммандира его звания.

— Говорят, что она пошла на одну из своих ночных пьянок, сэр. Я уже послал людей на её поиски.

Люсьен вплотную приблизился к Пауло, достаточно близко, чтобы почти столкнуться лбами.

— Неприемлемо, звёздный капитан. Если мехвоин Юми не будет найдена в течении часа, она будет искать себе новое подразделение. За задержку доклада мне лично, в качестве сурка

вы воздержитесь от питания, пока мы не пристыкуемся к нашему прыгуну. Воут?

— Ут, — сказал Пауло, с мимолетным выражением сожаления.

Как только Люсьен отошел на несколько шагов назад, что-то теплое и влажное брызнуло ему в лицо. Перед тем как он рефлекторно хотел это вытереть, Пауло рухнул на платформу. Ужасная входящая рана бросила на лицо звёздного капитана вечное изумление.

Вступили в силу инстинкты.

— В укрытие! — крикнул Люсьен, отступая от трупа и закрывая собой галактического командующего от возможных следующих выстрелов.

В один момент целый погрузочный док превратился в хаос. Техники приседали за ящиками. Рабочие уводили свои погрузочные мехи с линии огня. Все воины в пределах зрения заняли укрытие и подготовили личное оружие, смотря во все стороны в поиске нападавших.

— Охрана, — прорычал Люсьен в личный радиопередатчик. — Это звёздный полковник Ностра! У нас проникновение на охраняемую территорию! Повторяю, у нас проникновение на охраняемую территорию! Осмотреть периметр!

Все застыли на месте в ожидании следующего выстрела. Сыщен был лишь окружающий шум и оглушающие стуки своего сердца.

Прошло пять секунд. Десять. Пятнадцать.

Следующего выстрела так и не последовало.

— Звёздный полковник, — затрещало радио, — это охрана станции «Пульсар». Все периметры в безопасности. Весь персонал учтённый. Признаков незаконного проникновения нет.

Люсьен пробормотал себе под нос проклятие и повернулся к лежащему в луже сворачивающейся крови Пауло. Кто желал смерти звёздного капитана? У него было немного реальных врагов, но Люсьен был уверен, что ни один из них не применил такую трусливую тактику. Любой нормальный клановский воин в случае направленной на него неприязни вызовет обидчика в круг равных и изобьет его до потери сознания.

Или может этот выстрел предназначался для него и стрелявший просто попал в не ту цель? Люсьен сглотнул. Погибнуть в бою было желанием каждого воина клана, но встретить

смерть от трусливой пули, за пределами места благородного поля боя — было таким же позором как и изгнание из сообщества кланов.

* * *

Мир трансформировался в расплывчатую, отдалённую декорацию, как только она отодвинула от глаз оптический прицел. Ясное различение деталей посадочного порта уступило место мелким черточкам в полукилометре от неё, согласно дальномеру оптики. Она ещё раз провела пальцами по оружию, лаская и наслаждаясь предоставленной им свободой.

Снайперская винтовка FNF-J12, изготовленная, если верить Святому Антонию, в Федеративных Солнцах ещё перед падением Звёздной Лиги. Разведчики тёмной касты откопали её в почти опустошённом тайнике Брайана, в котором эта винтовка была оставлена вместе с другим снаряжением, наверное признанная бесполезной клановским командиром, отдавшим приказ на очистку тайника. Но эта замечательная машинка была брошена не из-за своей бесполезности; нет, она была отвергнута из-за присущей ей бесчестной функции, навсегда сохранившейся самим её существованием. Снайперские винтовки не позволяли проводить боевые испытания, бэтчаллы, не оставляли шансов мишеням. Эти демоны были оружием шпионов, диверсантов. Узурпаторов.

Убийц.

Но Мэдлин больше не беспокоилась на этот счет. Если бы более месяца назад она увидела Балтазара Фюрея в прицеле этой винтовки — Бух! — и испытания владения за генетическое наследие Тристана никогда бы не произошло. Несмотря на то, что её бы преследовало бесчестье, она командовала бы своим тринацием, могла заползать в кровать Люсьена, когда было настроение, возможно даже смогла бы завоевать родовое имя через несколько лет. Если разобраться, это была небольшая цена чтобы остаться воином. Дезгра клановский воин все еще мог служить клану, а отрешенный — нет.

Даже без визуального увеличения она легко видела, какая суматоха поднялась на станции «Пульсар». Снова приставив к глазу оптику, она несколько мгновений наблюдала за выкрикивающим приказы Люсьеном, прежде чем закинуть за спину винтовку и раствориться в тени.

База «Титан»
Хоард
Домашние миры кланов
11 января 2906 г.

Первая новость, которую Люсьен получил после того как он ступил с межпланетного корабля на землю и попал под леденящий ветер, не сулила ему хорошего настроения. По словам временного гарнизонного командующего, две недели назад, когда 179-й был в пути на Хоард, Ледовые Хеллионы заявили бэтчалл на горнообрабатывающий комплекс «Альфа-три» и искусно его выиграли. Если Хеллионы отобрали у гарнизонных войск «Альфу-три», они с радостью обратят свои взоры на следующий «Альфа-два», и все владения Нова Котов один за другим падут как домино.

Следующее сообщение было адресовано ему; ГИ-сообщение из Барселлы ещё больше ухудшило его душевное состояние. Полное прочёсывание станции «Пульсар» не дало новых фактов относительно смерти звёздного капитана Пауло. Криминалистическая экспертиза установила месторасположение стрелка во время выстрела — лесистая возвышенность примерно в полкилометре от дока погрузки, но на этом след теряется.

«Наверное, это так же невозможно, как схватить дым», — подумал он, сминая донесение. Может быть ему повезет больше с Ледовыми Хеллионами.

Прежде чем двигатели межпланетника остывали, Люсьен вышел на связь с командиром Хеллионов, свернувшую в бараний рог местный гарнизон во время его отсутствия и вызвал её на испытание отказа за «Альфу-три». Он не хотел давать ей время первой объявить бэтчалл за «Альфу-два», во избежание риска отвоёвывать обратно оба горнообрабатывающих комплекса.

Спустя менее десяти часов, когда голубовато-белое солнце Хоарда достигло своего зенита в промороженном небе, подразделения 179-го, заявленного Люсьеном в испытании, скопились на открытой, занесённой снегом равнине на западе от базы «Титан».

Люсьен собрал офицеров у ног своего «Мародёра IIС» на предбоевой брифинг, в то время как Тристан спокойно наблюдал за ними.

— Сейчас мы здесь, — указал Люсьен, на разложенной на ноге меха топографической карте. — Хеллионы скорее всего пройдут по этому каньону. Проблемой для них станет горная возвышенность здесь, и я хочу в полной мере обратить это в нашу пользу.

— Если подойти с этого направления, — сказал звёздный коммандер Сол, водя пальцем, одетым в перчатку, по карте, — возвышенность позволит нам выйти на позицию незамеченными.

— Точно. И мы сможем заманить их в ловушку в этом узком проходе, и ещё перед закатом вернёмся обратно на «Титан». Все понятно?

Ответом был хор «ут» и киваний головой.

— Хорошо. А теперь расходитесь по своим машинам. Мы выступаем в десять!

Как только собравшиеся начали расходиться к своим мехам, Сол обратил на себя внимание Люсьена:

— Звёздный полковник, можно вас на два слова?

Люсьен перепроверил свой хронометр и нахмурился:

— Только быстро, звёздный коммандер. Мы еще должны отбросить Хеллионов.

— Сэр, должны ли мы выходить на поле боя без соответствующего звёздного капитана, командующего моим тринарием?

— От, — сказал Люсьен. — Во время боя вы будете получать приказы напрямую от меня. Полные боевые испытания на замену звёздного капитана Пауло пройдут после того, как «Альфа-три» снова будет наша.

— Но сэр, может быть в данном случае будет уместным присвоение внеочередного звания. По крайней мере на время этого испытания. Я считаю, что наша боевая группа будет сражаться на максимуме своих возможностей под руководством полной командной цепочки.

Сжимая зубы, Люсьен отвернулся. Сейчас было не время для этого, и Сол это знал. Выскочка надеялся застать его врасплох и вынудить принять поспешное решение.

— Я так понял, что занять этот пост планируете вы, звёздный коммандер?

Сол не ответил. Люсьен едва почувствовал слабое быстрое дуновение при нарастающем ветре. И прежде чем повернуться лицом к воину, его охватило отвратительное, зловещее предчувствие. Сол лежал в снегу лицом вниз, его тело, вывернувшись в неестественном положении, исходило судорогой. Темно-красные брызги конусом оросили снег рядом с его головой, в которой виднелась выходная рана размером с кулак.

Мозг вспыхнул противоречивыми директивами, приморозив его на некоторое время к месту, прежде чем определился план действий и следствие ему. Откинув все мысли о самосохранении, он пробрался по лодыжку в снегу в сторону галактического командующего и схватил под руку Тристана.

— Я провожу вас к меху, — сказал он. По крайней мере в своей кабине галактический командующий будет в безопасности от огня снайпера.

— Это абсурдно! — сказал Тристан. — Какой трусливый дьявол продолжает стрелять из засады в моих людей?

«На самом деле дьявол».

— Я не знаю, сэр, — сказал Люсьен. Ложь была небольшой, и в смятении Тристан не обратит на неё внимания. — Но я уверяю вас, что выясню это.

За всё время перелета с Барселлы на Хоард, он выдвигал гипотезы относительно смерти Пауло, но только одна из них имела смысл. И он не хотел верить в неё. Определить, кто это был, было несложно. А вот зачем, он не мог объяснить.

По крайней мере перед смертью Сол был прав в одном: чтобы победить Хеллионов, Люсьену необходимо без испытания назначить одного из воинов на вакантное место, образовавшееся теперь уже после смерти самого звёздного коммандера Сола.

База «Титан»

Хоард

Домашние миры кланов

12 января 2906 г.

Даже без одного мехвоина, войска Люсьена послали 45-ых ударных иррегуляров Ледовых Хеллионов назад в свой анклав зализывать раны. Бой дорого обошелся обеим сторонам, судя по радиопереговорам, его воины были отвлечены и прибывали

на грани нервного срыва после того, что произошло с Солом. Но даже несмотря на это, и то, что «Конжурер» новоназначенного звёздного коммандера Хуана был подбит вместе с ним ещё в начале боя и последующих потерях нескольких других мехов, он гордился их победой.

Тристан, казалось, совсем не интересовался результатом сражения, и он весьма недвусмысленно проявил это, когда вызвал Люсьена в свой кабинет. Галактического коммандующего интересовало лишь одно.

— На Барселле 449-й наконец-то обнаружил мехвоина Юми, — сказал Тристан. — По крайней мере то, что от неё осталось. Патруль наткнулся на обглоданный скелет, с десяти-миллиметровым отверстием прямо посередине черепа.

— Таким же способом были убиты Пауло и Сол — отметил Люсьен.

— Мне плевать сколько бэтчаллов Хеллионы или Ужи заявят нам, звёздный полковник, — рявкнул коммандир. — Этому нужно положить конец. Вы назначаетесь ответственным за помимку этого стравожьего вольняги, вырезающего моих воинов. Я хочу, чтобы вы занялись этим лично!

Для Люсьена это не было неожиданностью. Фактически он почти ожидал такого приказа ещё с того момента, когда мозги Сола раскрасили снег под собой.

— Не хочу перечить вам, сэр, но я уверен, что такое назначение является пустой тратой моих способностей.

На лице галактического коммандующего не дрогнул ни один мускул.

— Приказ не отменяется, — сказал он. — Временно я непосредственно возьму командование над 179-ым. А вы найдете этого насмешника над честью и заставите его замолкнуть навсегда.

«Ангела смерти, вы имеете в виду», — подумал Люсьен. Этую мысль он оставил при себе.

После того, как его отпустили, он повернулся, чтобы уйти и краем глаза посмотрел на лицо своего начальника. Тот пристально изучал доклады перед собой, в спокойствии Тристана было что-то странное, скрывающее эмоции, которые он определённо не хотел выражать. И только выйдя в коридор, Люсьен понял чему свидетелем он был, чему-то, что он не видел с дней в своей сибгруппе.

Страх.

Галактический командующий Тристан Моррис был напуган.

* * *

— Хранитель клятвы, — требовательно крикнул Люсьен в коридоре, — можно вас на пару слов?

Кайл Девалис обернулся чтобы поздороваться с командиром его кластера, приветливо улыбаясь.

— У меня есть только пара свободных минут, сэр. Я должен подготовиться к вечернему ритуалу битвы.

Люсьен нахмурился. Не сделал и двух шагов за пределами кабинета Тристана, а этот человек уже присвоил его подразделение и держал его вне курсе событий.

— Меня не проинформировали о любых других бэтчаллах.

Под ярким освещением четко было видно удивление Кайла.

— Хеллионы бросили вызов за комплекс «Альфа-два», и галактический командующий заявил 179-й и улан. Он вам ничего не сказал об этом, воот?

Подавляя естественную реакцию, Люсьен приглушил свою злость, чтобы перенаправить её на более достойную цель.

— Сейчас это не важно, — ответил он. Прежде чем продолжить, он осмотрел зал, чтобы удостовериться, что они были одни. — Скажи мне о Мэдлин.

Хранитель клятвы в растерянности остановился.

— Что?

— Вы последний, кто видел её перед вынесением приговора. Что она вам говорила?

— Я не поним...

— Только давайте без игр, Девалис. Она убивает моих людей; я в этом уверен. И я должен остановить её. Если вам что-либо известно — всё, что может мне помочь положить этому конец, — вы должны мне рассказать. Сейчас же.

Кайл отвел взгляд. Признаки вины четко проявились на его лице.

— Я... я проводил её ритуал видения как раз перед тем, как она была изгнана. Я сделал это лишь ради того, что много лет она была мне другом. Она... Знал бы я, что она так поступит...

— Он не мог закончить.

— Расскажи мне, — настойчиво потребовал Люсьен. — Что она говорила тебе? Что она видела в своем видении?

Сглотнув, Кайл ответил:

— Она... она не увидела видение, звездный полковник. Она всё время говорила, что недостаточно долго голодала, что ещё хотя бы один день самолищения и она увидела бы то, что хотела.

— Как долго? Как долго она голодала?

— Два дня. У неё не было достаточно времени, чтобы подготовиться как следует.

— Могла ли она снова исполнить такой ритуал уже после изгнания, даже если она делала бы это одна?

Сообразительная улыбка начала проскальзывать на лице хранителя клятвы, как только он понял, куда клонит Люсьен.

— Для того, чтобы провести этот ритуал, потребуются две вещи: большой огонь — который был бы отлично виден на термальном сканировании при такой погоде, — и виниры, для жертвы, чем больше — тем лучше. Но она пожертвовала всё, что у неё было во время своей предыдущей попытки.

— А сейчас у неё три победы, — сказал Люсьен.

Кайл медленно покачал головой.

— Если иметь в виду это... эту шепчущую смерть, как называют её наши войска, это в любом случае Мэдлин... Почему она делает это? Я ожидал бы, что она обвинит галактического командующего за своё изгнание, но тогда он был наиболее вероятной целью во время этих двух инцидентов, а он не был застрелен.

— Это, хранитель клятвы, я и должен выяснить.

Строевой плац, база «Титан»

Хаард

Домашние миры кланов

12 января 2906 г.

Издалека яркий и дрожащий в темноте костер, даже без оптического прицела был отчётливо виден для Мэдлин. Но оптика позволяла ей видеть всё гораздо ближе, что она могла даже распознать знаки отличия на черных формах собравшихся вокруг костра. Что-то в мрачном настроении собравшихся по-

казалось ей странным. Происходящий на парадном плаце «Титана» ритуал битвы означал, что 179-й завтра будет сражаться. Вообще-то истинные клановские воины ликуют от предстоящей драки, но эти же нет, собирались в тени образованного шестью мехами круга и ждали чего-то.

Ей план работал идеально.

Она переключилась на военную частоту в своем наушном радиопередатчике, используя шифровальный код, который достал ей Святой Антоний, который тоже в данный момент находился на Хоарде, так как её собственные коды больше не действовали. После настройки на соответствующий канал, она вслушалась в слова, направленные для тех Нова Котов, которые не могли посетить этот ритуал.

Хранитель клятвы кластера Кайл Девалис открыл собрание. Первый оратор, звёздный капитан тринария Браво, поднялся на трибуну, зыркая взглядом по сторонам, словно ожидая внезапного нападения нова кошки. Мэдлин расслабила указательный палец на спусковом крючке; этот человек не был её целью. Его относительно короткая речь про вымученную победу на грани поражения над Звёздными Ужами вызвала несколько одобрительных возгласов из толпы, перед тем, как он уступил место следующему выступающему. Звёздный капитан тринария Чарли выступил почти в таком же духе, как и несколько звёздных коммандеров и мехвоинов обеих подразделений.

Независимо от того, насколько они успешно скрывали это, правда отражалась на всех их лицах. Каждый из собравшихся боялся, но боялся не гибели в предстоящем бою, а бесчестной и бесполезной смерти. Быть застреленным так называемой Шепчущей Смертью.

Мэдлин позволила себе тихо хихикнуть. Уже выступившим воинам нечего было бояться её. Заложил фундамент для лжи её генетический отец, отсутствующий на ритуале, кроме того, были выжившие члены её тринария, которые предали Мэдлин, поддержав сфабрикованные обвинения Тристана. Всё это делалось для того, чтобы сместить её с должности звёздного капитана. Они умрут первыми. И пока Тристан прячется в своём кабинете, сжимаясь в клубок от страха, что её пуля откуда угодно может поразить его, она соизволит подарить ему быстрое облегчение от не по-клановски расточительного и предательского поступка.

Её сердце в предвкушении неровно забилось, когда мехвоин Гэлин — нет, уже звёздный коммандер Гэлин, согласно новым нашивкам, — с заметным страхом шла к невидимой виселице сверху трибуны. Горло обычно надменной женщины сжималось, когда она начала рассказывать байку о том, как она принимала участие в одной битве, в которой была также и Мэдлин, целую вечность тому назад. В действительности, вклад Гэлин в победу в том сражении был мизерным, но Мэдлин не дала получить ей удовольствие от рассказа.

Она медленно навела прицел, тщательно подгоняя оптику, чтобы компенсировать дальность и едва уловимый ветерок. Приклад содрогнулся у её плеча. Какой-то момент Гэлин стояла трибуны, запнувшись на середине предложения, затем полностью исчезла под воздействием десятимиллиметровой пули, отбросившей её с трибуны в тень.

Мэдлин моментально переключилась на частоты патрулей Нова Котов и начала прокладывать путь к отступлению в своё убежище. Её желудок неожиданно проурчал, когда она спускалась по покрытому льдом откосу. Неожиданная острая боль быстро умолкла. После всего, что она стерпела и через что прошла, голод был сущим пустяком.

Шельфовый ледник «Ётун»

Хоард

Домашние миры кланов

14 января 2906 г.

Без надлежащего убежища языки пламени бились и метались, уклоняясь от безжалостных ветров Хоарда. Мэдлин, одетая в куртку на меху, оградила огонь как могла, закрывая собой от леденящего порыва ветра младенческое пламя, которое в любой момент угрожало погаснуть. Конечно пещера бы лучше защитила костер, но то, что она намеревалась сделать, требовало находиться под открытым небом. В способности созерцать бесконечность, усеянную бесчисленным множеством звезд, было что-то, не поддающееся объяснению, глобальное и одухотворенное.

Из висевшей на боку подсумки она достала и по отдельности разложила на снегу перед собой небольшие предметы.

Браслет с кодексом Юми. Перчатка Пауло. Пузырек с кровью Сола, собранной из снега. Гладкая десятимиллиметровая пуля, убившая Гэлин. Эти новые виниры было намного труднее сбрать, по сравнению с действиями, с помощью которых они были созданы.

При глубоком вдохе её нос наполнил аромат холода, смешанного с горящим валежником тундры. Её желудок умолял о еде, а утомлённый мозг настаивал на сне, но пока она не сделает все, что задумала и не откроет путь для своего следующего шага, не будет утолено ни то, ни другое.

Мэдлин бросила виниры в пылающий огонь один за одним, наблюдая как они чернеют, плавятся и сгорают. Как и прежде с Кайлом, она закрыла глаза и вдохнула дым, задерживая дыхание настолько долго, настолько могла быть в сознании. Её мозг поплыл словно шлюпка, раскачивающаяся на волнах бушующего моря, пока она не увидела хаотичные цвета, кружащие вокруг. Желудок угрожал вывернуться наизнанку, и она боролась с сильным желанием вырвать. Как раз перед тем, как дурнота попытала увести её самосознание в полёт, словно наполненный кислородом дирижабль, она открыла глаза.

Сквозь дым и дрожащую муть в глазах, Мэдлин увидела призрак Люсьена, стоящего над ней.

Её будущее.

— Мэдлин, — решительно сказал фантом, — время остановить это. Убийства с этого момента прекращаются.

— Я не могу, — ответила она образу. — Я... я не могу. Пока он не заплатит за всё, что натворил.

Призрак подошёл ближе к огню и она увидела отблеск матово-чёрного дула баллистического пистолета, направленного на неё. Вся спина под курткой покрылась гусиной кожей, но не от холода, когда разум рывком вернулся к действительности. Это было не видение.

— Почему? — спросил Люсьен. — Почему ты это делала?

— Он вытурил меня из клана по фальшивым обвинениям, — ответила она.

— Почему? — снова спросил он. — Почему, во имя Керенского, он шил белыми нитками обвинения, чтобы изгнать тебя, свою генетическую дочь?

— Потому что такое уже случалось прежде. — Во время разговора Мэдлин незаметно просунула свою руку под куртку, го-

таясь достать боевой нож, спрятанный в меховой подкладке. Она также хотела доверять ему, но оставалась простая истина: он является кланом, а она нет. Чтобы отвлечь его от ножа, она рассказала историю про Албана, о причине его отречения.

— Если бы такая трагедия произошла со мной, смог бы ты поступить так же, как он? Встретил бы ты своё изгнание ради восстановления моей чести?

Люсьен колебался. Пистолет дернулся в его руке.

— Я не понимаю.

Она встретила его ледяной взгляд.

— За несколько месяцев до битвы за испытание владения над генетическим наследством Тристана, он вызвал меня в свой кабинет и спросил у меня, — от, потребовал чтобы я совокупилась с ним. Поскольку это было моим правом, я отказалась ему. Моя неудача в последующем испытании владения дала ему возможность расквитаться со мной за отклонение его предложения. Он знал, что я не смогу опровергнуть его ложь, и что никто не поверит словам звёздного капитана против слов галактического командующего, разве только я смогу одолеть в бою противника, при огромном неравенстве.

Люсьен моргнул.

— Я без сомнения дрался бы на твоей стороне в таком испытании отречения, — сказал он. — Даже при таком перевесе.

— Тогда бы мы оба погибли.

— Это не остановило бы меня, ты знаешь это. — Его рука, держащая пистолет выпрямилась, дрожь прошла. — Но глубина нашей прошлой дружбы не изменит то, что уже сделано. Ты бандит. Ты убила воинов клана без боевого испытания. Галактический командующий поручил мне выследить и убить тебя, и сейчас он наблюдает за нами у подножья этого холма, ожидая моего возвращения с дымящимся пистолетом и твоим оружием.

Мэдлин ослабила хватку своего ножа. Лишние сна, голод и дым забрали у неё намного больше сил, чем она думала. Даже если она сможет отвлечь его на некоторое время, он застрелит её, прежде чем она сможет сделать выпад через костер.

— Согласно законам клана, — проревел он, — бандит не может быть наказан и оставаться в живых! Шепчущая Смерть умрет, прямо здесь, прямо сейчас!

Мэдлин должна была бы сфокусировать свой взгляд на черном дуле пистолета. Но вместо этого она посмотрела прямо

в блестящие зрачки Люсьена, отражающиеся в свете огня, слишком поздно осознавая, как она скучала по нему.

Когда он нажал на курок, она отметила едва различимые отблески слез в уголках его глаз.

* * *

Люсьен, пока шел обратно, где ждал его командир с полу-дюжиной солдат, вытер насколько мог нос и глаза. Выстрел всё ещё был слышен в его ушах. И до конца своих дней он никогда не забудет выражения страха и упрямого вызова на её лице. Но это должно было быть сделано.

Должно было быть сделано.

Он продолжал это повторять себе, постоянно поправляя снайперскую винтовку на спине. Дабы не допустить, чтобы эта бесчестная мерзость снова стреляла, он её переплавит на что-то более продуктивное, на что-то более подходящее принципам клана.

Тристан с широкой, удовлетворённой улыбкой на лице медленно захлопал в ладоши, когда к нему приблизился Люсьен.

— Я аплодирую вашим усилиям в выслеживании этой бандитки, — сказал он. — Уверяю, что вам будут выделены дополнительные рабочие кредиты, соразмерно успеху в этом деле.

Люсьен остановился в нескольких шагах от Тристана и его помощников, его лицо было лишено абсолютно всех эмоций.

— Галактический командующий, неужели вы отреклись от собственной генетической дочери из-за того, что она отказалась совокупиться с вами?

Тристан аж шарахнулся:

— Что? Почему вы...

Оглушающий удар грома поверг его на землю, с ужасной пародией на метку бинди посередине лба. Последующие выстрелы испачкали снег другими свидетелями, прежде чем они смогли что-либо сделать и Люсьен продолжал нажимать на курок, пока он один на один не остался с холодным ветром.

Удовлетворённый делом своих рук, Люсьен засунул в кобуру пистолет, ещё раз поправил снайперскую винтовку и устало потопал обратно к гусеничному БТРу, доставившего их сюда. Неоднократно он оборачивался и с сожалением всматривался на вершину холма.

**База «Титан»
Хоард
Домашние миры кланов
27 августа 2906 г.**

В одиночестве в своём кабинете, Люсьен Ностра копался в горе отчетов на столе. Если верить последним донесениям разведки, Ледовые Хеллионы снова собираются доставлять проблемы. Они перемещали подразделения 7-го атакующего кластера в ущелье Болейн, что означало лишь одно — Хеллионы в течение нескольких недель заявят бэтчалл, и Люсьен сильно удивится, если они не сделают этого. Они были бы ничем, если бы не их упорство.

Под кипой бумаг он достал относительно трудноопределимую записку. Штамп доставки указывал, что она была послана с почтового ящика, который в основном используют флоты касты торговцев для отчета по грузовым ведомостям межпланетного корабля. С тех пор как Люсьен обвинил неуловимую Шепчущую Смерть в убийстве галактического командующего Тристана Морриса и его помощников, он время от времени получал такие маленькие записочки, каждая доставлялась разными способами, которые было невозможно проследить.

Читая записку, он сразу же представил себя снова, как и несколько месяцев назад, на шельфовом леднике. Согласно законам клана, Мэдлин заслуживала изгнания, что равносильно смерти, но все же она была изгнана ошибочно. Это и сыграло в пользу выбора, который он сделал на вершине холма, решение позволить уйти своей мишени, прежде чем нажать на курок.

Записка гласила: «Только проездом. Береги себя. Скучаю по тебе. — М.»

Позволив себе задумчиво улыбнуться, и прежде чем взять в руки следующий отчет из стопки, Люсьен сложил записку и сунул её во внутренний карман униформы.

*Перевод Михаила Липки (RW_Nova), 2012
Редактор Леонид Шагидуллин (Leonid)*